

Мать-Сыра-Земля Коринфский А.А.

Нет ничего для человека в жизни святее материнского чувства. Сын родной земли, живущий-кормящийся ее щедротами, Русский народ, дышащий одним дыханием с природою, исполнен к Матери-Сырой-Земле истинно сыновней любви и почтительности. Как пережившие не один, а два века сказания, так и чуть ли не вчера молвившиеся-сказавшиеся красные слова, облетающие из конца в конец неоглядный простор народной Руси, в один голос подтверждают это, ни на пядь не расходясь с бытом-укладом поздних потомков могучего богатыря Земли Русской Микулы-свет-Селяниновича, живущего на Святой Руси в старь стародавнюю.

В стихийной народной душе еще и до наших дней не умирает живущие сознание вековой связи с обожествляющийся супругой прабога Сварога, праматерью человечества, за которую слыла обнимаемая небом земля, сливающаяся с ним в едином плодотворящем таинстве.

«От земли взят, землей кормлюсь, в землю пойду!» - говорил хлебороб деревень Русских. Кормилицей зовет он землю, сторицей возвращающую ему засеянное в добрый час зерно, матушкой родимую величает. А это - слово великое. «Добра мать до своих детей, а земля - до всех людей!», «Мать-Сыра-Земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает!», «Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!», «Как не добёр кто, а все не добрей Матери-Сырой-Земли: всяк приючает землю до гробовой доски, а земля приютит и мертвого!» - приговаривает народная молва, подслушанная своими пытливыми калитами-собираателями. «Всякому человеку - и доброму, и худому - земля даст приют!», «Умру - похоронят, поверх земли не положат!», «Век живёшь маешься, бездомником скитаешься, умрёшь - свой дом в сырой земле найдёшь!» - добавляет к этой молве свои подсказанные горемычной жизнью поговорки беднота-голь, живущая (по ее смешливому прибаутку) «против неба, на земле, в непокрытой улице». Недаром выплывают из глубины моря народного и такие слова, как: «Нужна рыбе вода, а птице вольная ширь поднебесная, а человеку - нет ничего нужнее, как Мать-Сыра-Земля, - умрёт, и то в нее уйдёт!», «Кому земля - мать родная, кому - родимая матушка, а кому и мачеха; да всё, как время придёт, и пасынка к сырой груди прижмет, не оттолкнет, не погубит - к себе возьмёт, на вечные веки приголубит!», «Корми - как земля кормит; учи - как земля учит; люби - как земля любит!».

Немало ходит по людям в деревенской-посельской Руси всяких пословиц, поговорок, присловий и прибауток о том, как и чем питает своего пахаря земля-кормилица. Всё это красное богатство слова сводится к действительной вере в сердце народного, в которой отразилась простодушная мудрость многовекового опыта трудовой жизни под властью земли.

Мать-Сыра Земля представляется обожествляющим природу Славянам живим человекоподобным существом. Травы, цветы, кустарники и деревья, поднимающиеся на ее могучем теле, кажутся пышными волосами... «Земля сотворена, яко человек», - повторяется об этом, в несколько изменённом виде, в одном из позднейших летописных памятников: «Камение яко тело имать, вместо костей корение имать, вместо жил древесна и травы, вместо власов былие, вместо крови - воды»... Рождавшая все плоды земные, богиня плодородия испытывала, по народному слову, не одно счастливое чувство материнства. Мучимая жаждой, она пила струившуюся с разверзавшихся над ее лоном небес дождевую воду, содрогалась от испуга при землетрясениях, чутким сном засыпала при наступлении зимней стужи, прикрывалась от ее лебяжьим покровом снегов; вместе с приходом весны, с первым пригревом зачужавшего весну солнышка, пробуждалась она - могучая, воскресающему от своих зимних страхов при первом весеннем вздохе земли. Ходит селам-деревнями и в наши дни цветистая красная молва о том, что и теперь есть чуткие к вещим голосам природы, достойные ее откровений люди, слышащие эти чудодейные вздохи, каждым из которых вливается в жаждущую тепла и света жизнь вселенной могучая волна творчества.

Против благоговейного почитания Матери-Сырой-Земли, сохранившегося и до наших дней, восстали еще в XV-XVI столетиях строгие поборники буквы заветов Православия, громя в церковных стенах народное суеверие. Но ни на грозные обличения, ни время со всей его беспощадностью не искоренили этого предания далеких дней, затонувших во мраке веков, отошедших в бездонные глубины прошлого-стародавнего. Кто не почитает земли-кормилицы, тому по словам народа-пахаря, не даст хлеба - ну то что досыта, а и в проголодь. Кто сыновним поклоном очестливым не поклонится Матери-Сырой-Земле, выходя впервые по весне в зачерневшееся проталинами поля, - на гроб того она наляжет не пухом легким, а тяжелым камнем. Кто не захватит с собою в чуждавший путь горсть родной земли, тому никогда больше не увидеть родины. Больные, мучимые «лихоманками» - лихими сестрами. выходит в поле чистое, бьют поклоны на все четыре стороны света белого, причитаючи: «Прости, сторона, Мать-Сыра-Земля!» Болящие «порчею» падают наземь на перекрестках дорог, прося Мать-Сыру-Землю снять напущенную лихим человеком болезнь. «Чем ушибся, тем и лечись!» - говорит народная Русь. И вот - советуют знающие люди старые выносить тех, кто ушибся-разбился, на то самое место, где приключилась такая беда, и молить землю о прощении. «Нивка, нивка! Отдай мою силу! Я тебя ждала, силу наземь роняла!» - выкликают во многих местах поволжской Руси жницы, катаясь по земле, вполне уверенные, что, припав к ней, вернут всё политое трудовым потом засилье. Земля и сама по себе почитается в народе целительным средством: ею, смоченной в слюне, знахари заживляют раны, останавливают кровь, а также прикладывают ее к больной голове. «Как здорова земля, - говорится при это, - так бы и моя голова была здорова!» и так далее. «Мать-Сыра-Земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела!» - произносится кое-где еще и теперь при первом выгоне скота на весенний подножный корм. В старину при этом выливалась на землю кубышка масла - как бы для умиловления земли этой жертвой. «Мать-Сыра-Земля! Утоли ты все ветры полуденные со напастью, уйми пески сыпучие со метелью!» - продолжался после этого памятуемый местами и теперь благоговейный причет-заговор.

Было время на Руси, когда при тяжбах о чересполосных владениях вместо нынешней присяги в обычае было ходить по меже с куском вырезанного на спорном поле дерна на голове. Это было равносильно лучшему доказательству законных прав тяжущегося. Еще в древнеславянском переводе «Слова Григория Богослова» - переводе, сделанном в XI столетии, - встречается такая самовольная вставка переводчика: «Ов же дърън въскроушь на главе покладая присягу творить...» В писцовых книгах Сольвычегородского монастыря значит: «И в том и дан суд, и с суда учинена вера, и ответчик себе на голову, отвел той поже межу...» Много можно было бы найти подобных свидетельств о земляной присяге и в других источниках памятниках Древней Руси. Только в XVI веке эта присяга была заменена хождением по спорной меже с иконою Богоматери на голове.

Клятва над землею сохранилась в народе и до сих пор. «Пусть прикроет меня Мать-Сыра-Земля навеки!» - произносит клянувшийся, держа в руке ком земли. Братающиеся на жизнь и на смерть, давая обоюдные клятвы в неразрывной дружбе, меняются и вручают друг другу горсть земли. Эта земля хранится ими потом зашитою в ладанку и носили на шее - чему придается особое таинственное значение. Старые, истово придерживающиеся дедовских заветов люди уверяют, что, если собирать на семи утренних зорьках по горсти земли с семи могил заведомо добрых покойников, то эта земля будет спасать собравшего ее от всяких бед напастей. Другие, знающие всю подноготную, старики, дают совет беречь с этой целью на божнице, щепоть земли, взятую из-под сохи на первой весенней борозде. В стародавние годы находились и такие ведуны-знахари, что умели гадать по горсти земли, взятой из-под левой ноги желающего узнать свою судьбу. «Вынуть след» у человека считается повсеместно еще и теперь самым недобрым умыслом. От такой напасти заговор «Матушка-кормилица, сыра-земля родимая! Укрой меня, (имярек), от призора лютого, от всякого лиха нечаянного. Защити меня от глаза недоброго, от языка злобного, от навета бесовского. Слово мое крепко как железо. Семью печатями оно к тебе, кормилица Мать-Сыра-Земля, припечатано - на многие дни, на долгие годы, на всю ли на жизнь вековечную!...»

Как и в седые, затерявшиеся в позабытом былом времена, готова припасть к могучей земле грудь народная Русь с голосистым причетом древнего:

Гой, земля еси сырая,
Земля матерая,
Матери нам еси Родная!
Всех еси нас породила,
Воспоила, вскормила
И угодьем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелий еси народила
И злак всякой напоила...

Мать-Сыра-Земля растит-питает хлеб насущный на благо народное; унимает она «ветры полунощные со тучами», удерживает «морозы со метелями», «поглощает нечистые силы в бездны кипучие». До скончания веков остается она всё той же матерью для живущего одну великую нерушимую заповедь: о неизменном и неуклонном почитании ее.

И крепко держится Русь этой священной для нее заповеди, глубоко запавшей в ее стихийное сердце, открытое всему доброму и светлому.

Чем ближе к земле-кормилице, чем теснее жметя к её груди сын, тем ярче расцветают в его жизни эти неоценимые цвета сердца. Благословение Божие осеняет незримыми крылами трудовой подвиг земледельца - по преданию, идущему из далёкой дали веков к рубежу наших дней. И не отходит это благословение от верных заветам праведного труда ни на шаг во всей из жизни.

О каком бы сказании ни вспомнится, какое бы слово крылатое о кормилице народа-пахаря ни услышать, на какой бы связанный с Матерью-Сырой-Землёй обычай седой старины ни натолкнуться - все они могут служить подтверждением выраженного народом-сказателем в ярких своей образностью словах старинного стиха духовного:

Человек на земли живёт -
Как трава растёт.
Да и ум человек -
Аки цвет цветёт...

Как траве-мураве не вырасти без горсти земли, как не красоваться цветку на камне - так и Русскому народу не жить на белом свете без родимой Земли-Кормилицы. Как без пахаря-хозяина и добрая земля - горькая сирота, так и он без земли - что без живой души в своём богатырском теле.

Коринфский А. А. (1868-1937)
Народная Русь., СПб.1901

Святой Русский Лес Коринфский А.А.

Русский лес... Что может быть загадочнее нашей северной дубровы? Что более подскажет воображению углубляющегося в родную, поросшую быльем быль русскому человеку? Красота леса бесконечно разнообразна в своем кажущемся однообразии. Она веет могучим дыханием жизни; она дышит ароматом девственной свежести. Она завет за собою под таинственные своды тенистых деревьев. Она шепчет мягким пошептом трав, расстилает под ноги путнику пестрые цветочные ковры, переключается звонким щебетом птиц, аукается с возбужденной памятью глухими голосами седой старины.

Северный дремучий лес говорит даже своим безмолвием, своей неизреченною тишиной, своими тихими шумами. Он словно возрождает в русской душе мирозерцание забытых дедов-прадедов, словно подает ей весть о том, что следят за каждым ее вздохом из мрака бесконечности эти переселившиеся в область неведомого пращуров. Под сенью леса как будто пробуждается в этой душе вся былая-отжитая жизнь дышавших одним дыханием с матерью-природою предков - простых сердцем людей неустанного потовогострадного труда и непоколебимо-могучей силы воли. Лесное молчание исполнено шорохов безвестных. Оно помогает хоть одним глазом заглянуть в великую книгу природы, наглухо закрытую для всех, не пытающих припадать на грудь родной матери-земли. И вековая печаль, и тихий свет радостей, и грозные вспышки стародавних обид, и тайны - несказанные тайны - все это слышится, внемлется сердцу в молчании родных лесов. Пробегает ветер по вершинам старых богатырей-сосен - скрипят-качаются могучие деревья, готовые померяться с грозой-непогодой. Ратует с бурей дремучая лесная крепь, шумит многошумная, обступает захожего человека, переключается с ним, перебегает ему дорогу, манит вещими голосами под свою широковетвистую сень, невевает на душу светлые думы о том, что он - этот человек - сын той же матери-природы, взрастившей на своей груди лес. Лес говорит русскому сердцу не в пример больше, чем море синее, и этот говор откровеннее и понятнее для нас - как все кровное, родное... Не следует ли искать причину этого явления в том, что русский народ слишком долгое время был отрезан от своих теперешних семи морей вражьей силою, слишком долго хоронился в родных лесах со своей народной верою в поруганную пришельцами-ворогами государственную самобытность, ревностно оберегая ее от всякого лихого глаза!..

Что ни дерево в лесу, то своя краса, своя особая жизнь, свои приуроченные к ней, выхваченные из нее пытливым слухом народные поговорки. Но едва ли не более всего прочего лесного народа зеленого по сердцу русскому береза - эта белая, кудрявая красавица.

«Ты не белая березынька к земле клонится, не бумажные листочки расстилаются...» - выводит одна запевка. «Кудрявая березынька под окошечком, а в окошечке сидит не касаточка, не ласточка - сидит душа красна девица...» - сливается с первой другая песня. «Вечор моя березынька, вечор моя кудрявая, кудрявая зеленая, ах желколостная, вечор моя березынька долго шумела, долго шумела - сердечушку от мила дружка несла весточку, ах кудрявая!» - заливаются третья... «Во поле березынька стояла, во поле кудрявая шумела. Люли-люли, стояла, люли-люли, шумела», - и не будит конца этим песням, если приняться перебирать их одну за другой.

На веселый праздник Семик - девичий праздник, поются в честь березки особые песни. Эти дни являются настоящим праздником в жизни белой кудрявой красавицы лесного царства. Заливают красны девушки венки, пускают их на воду, загадывают по ним о судьбе да суженых, наряжают березку в цветы да ленты, хороводы под березками водят. И всюду она красуется тогда - где на Руси есть живой человек.

Не одной березе-березыньке народной крылатое слово честь честью воздает - не обошло оно и других представителей зеленокудрого царства, как лиственных, так и хвойных. Последние даже ближе, роднее угрюмому Русскому Северу. Бродя под сенью сосен, этих стройных красавиц, готовых если не по дородству, то по статности поспорить не только с белой березою, а и с заморскими пальмами, обмолвился о них русский человек целым рядом загадок. «Стоит дряво, висит кудряво, по краям мохнато, в середке сладко», гласит народная молвь о кедре. «Не бей меня, не ломи меня, лезь на меня», - добавляют к ней сибиряки, промышляющие собиранием кедровых орехов. И так далее.

Лес, с стародавних лет считается священным местом у всех славянских народов. И теперь в сокровенном, в душе русского человека, испытывающего благоговейное смущение при входе в лес, просыпается вера пращуров, признававших заповедные лесные места своими храмами. В священных рощах древней Руси, над истоками текучих вод, совершались жертвоприношения воплощенным в природе богам. В этих рощах под страхом незамолимого греха запрещалось охотиться за зверьем и птицей, не позволялось рубить ни одного дерева. Здесь, под вековой сенью древес, благословлялись жрецами брачные союзы. В особо отведенных урочищах устраивались кладбища, где находили себе вечный покой завершившие свой томительный жизненный путь. Еще до сих пор в поволжских селах встречаются заброшенные лесные кладбища, говорящие своим видом о глубокой старине происхождения. О свадьбах «самокрутах» ходит на Руси выражение: «Венчался вокруг ракитого куста». Еще недавно можно было видеть уцелевшие от топора-истребителя и свято охранявшиеся населением старые одинокие дубы, позабытыми на поле битвы богатырями возвышавшиеся над равниною. Это - заповедные деревья, уцелевшие от истребленных священных рощ. Под ними время от времени устраивались мирские пирушки, играща, играла-выговаривала балалайка. И теперь, у соседей наших чувашей, у жителей мордвы, так и среди русского населения эти дубы считаются священными. Их обвешивают вышитыми полотенцами, к ним обращаются с молениями о дожде, перед ними дают обеты. Если же под таким деревом догадливою рукою поставлена часовенка да еще бежит-журчит ручеек-струденец, то к такому месту принято ходить на богомолье.

Дуб издавна считался на славянской земле священным деревом. Летописи свидетельствуют о том, как на славянском Западе проповедниками христианского учения вырубались заповедные рощи. Но до сих пор напоминают о почитании дубовых рощ разбросанные по неоглядному светлорусскому простору рощицы-«жальники», превратившиеся в места отдыха утомленных путников.

Дуб является олицетворением сил-мощи и в древности был посвящен могучему Перуну. «На святом океан-море, - гласит заговорное народное слово, - стоит дуб креуовистый (кряжистый?). И рубит тот дуб стар-матер муж своим буланым топором. И как с того сырова дубы щепы летит, такожде бы и от меня (имярек) валился на сыру землю борец-молодец по всякой день, по всякой час».

Дошло до наших дней славянское предание о дубах, стоявших будто бы «еще до сотворения мира», когда-де не было ни земли, ни неба, а разливалась по всей вселенной один «океан-море». Стояли, по словам предания, посреди этого океана два дуба, на тех дубах сидело две птицы. Спустились они на морское дно, захватили клювами песку да камешков. Так-де и были созданы и земля, и небо. По другому преданию, существует железный прьвопосаждень дуб, на котором держатся вода, огонь и земля, а корень этого дуба стоит на силе Божей. Растет-поднимается этот дуб до самых небес, а коренится в глубочайших недрах подземного царства.

**Коринфский А. А. (1868-1937)
Народная Русь., СПб.1901**